

Секция «Проблемы конституционного строя и конституционного статуса личности»

Ограничение конституционных прав и свобод в период пандемии COVID-19

Научный руководитель – Дьяченко Елена Викторовна

Бондаренко Александр Александрович

Студент (бакалавр)

Алтайский государственный университет, Юридический факультет, Барнаул, Россия

E-mail: albondarenkob@gmail.com

С 2020 года весь мир вступил в новую реальность, обусловленную экстраординарными обстоятельствами - пандемия COVID-19. Перед государствами встали проблемы не только медицинского, но и социального, политического, экономического и юридического характера. В первую очередь актуализируется вопрос содержания основных прав и свобод граждан, а также проблема ограничения конституционных прав граждан с целью предупреждения распространения новой коронавирусной инфекции.

С позиции нормативистской теории права мы можем уверенно утверждать о неизменности основных прав и свобод в силу того, что глава 2 Конституции Российской Федерации остаётся неизменной. Но в действительности конституционные нормы рассматриваются в их взаимодействии с действующим законодательством, которые придают им смысл, которые развивают эти нормы. Нельзя не учесть, что в силу п. 1 ст. 15 Конституции, основной закон страны имеет высшую юридическую силу, а поэтому иные правовые акты не должны ей противоречить [1,8].

Поскольку Российская Федерация является непосредственным участником Совета Европы, Россия ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, в случае введения режима чрезвычайного положения на территории России обязана уведомить Совет Европы о данном обстоятельстве, ведь Конвенция предусматривает, что в случае введения режима чрезвычайного положения допускается ограничение большинства закреплённых в ней прав, в том числе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, и с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний. Конвенция не предусматривает ограничения лишь абсолютных прав, к которым относится право на жизнь, запрет на бесчеловечное обращение и т.д. Подобный перечень абсолютных прав, не подлежащий ограничению, содержится и в Конституции (ч. 3 ст. 56). Подобного рода уведомления в Совет Европы поступили лишь от 10 из 47 членов. России в этом перечне нет, хотя факт такого уведомления может облегчить государству отстаивание своей правоты в случае оспаривания его действий в Европейском суде по правам человека [8].

В Российской Федерации не вводился режим чрезвычайного положения, вместо него был введён «режим повышенной готовности», дефиниция которому была дана в Федеральном законе «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», где понятие «режим повышенной готовности» означает угрозу возникновения чрезвычайной ситуации. Предполагается, что данное определение может не соответствовать принципу правовой определённости, на которое ссылается Конституционный Суд в своём Постановлении от 6 апреля 2004 года №7-П [3,5].

Установление чрезвычайного положения мог бы дать правовую основу для введения ограничений прав и свобод на основании ч. 1 ст. 56 Конституции. Правомочия по введению режима чрезвычайного положения имеются у Президента в силу ФКЗ от 30.05.2001 "О чрезвычайном положении" и Правительства РФ в соответствии с ФЗ от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Следует обратить внимание на то, что Правительство РФ получило

право принимать решение о введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на всей территории страны либо ее части только с 1 апреля 2020 г. Можно предположить, что отсутствие введения режима чрезвычайного положения обусловлено временными рамками, которые устанавливает закон. Так, по всей стране режим чрезвычайного положения может быть введен до 30 дней, а в отдельных местностях - до 60 (п. 1 ст. 9 ФКЗ «О чрезвычайном положении»). Другой причиной может быть стремление уклониться от реализации - ст. 27 ФКЗ, которая закрепляет право граждан на возмещение ущерба в связи с чрезвычайной ситуацией [1,2,3,7].

В связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории РФ федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ и МСУ были приняты меры по ограничению ее распространения. К ним относятся обязательные правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, запрет на передвижение транспортных средств, ограничение передвижения физических лиц, приостановление деятельности предприятий и учреждений, отмена и перенос массовых мероприятий, введение режима самоизоляции граждан и т. п. Введенные ограничения были необходимы для защиты здоровья, что является одним из условий общей ограничительной оговорки, содержащейся в п.3 ст. 55 Конституции.

Указом Президента РФ от 25.03.2020 № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» была введена такая контрмера как социальная изоляция (локдаун), направленная на противодействие распространению заболеваний, представляющих опасность для окружающих. В последствии данная мера стала применять и на уровне субъектов. За нарушения режима самоизоляции предусматривалась административная ответственность юридических и физических лиц. (ст. 6.3, 20.6.1 КоАП). Постановлением Правительства РФ от 2 апреля 2020 г. № 417 на граждан были возложены обязанности по соблюдению правил поведения режима повышенной готовности и чрезвычайной ситуации. Исходя из этого, граждане должны были соблюдать предписания главного санитарного врача о госпитализации, а также нормативно-правовых актов РФ и субъектов, накладывающих ограничения на свободу передвижения с целью защиты их здоровья и всего населения [8].

Возникает вопрос о правомерности таких мер, поскольку п. 3 ст. 55 Конституции устанавливает, что ограничения прав и свобод возможно только на основании федерального закона. Данный вопрос ставился и перед Конституционным судом РФ (далее- КС) на примере Постановления губернатора Московской области, который в своём Постановлении № 49-П от 25 декабря 2020 г. дал мотивированный ответ о правомерности вводимых ограничений. КС признал Постановление губернатора не противоречащим Конституции, на основании статей 2,7,27,41 Конституции здоровье граждан и их жизни являются высшим благом, без которого утрачивают свое значение многие другие блага и ценности, а также невозможна реализация политических, социально-экономических и иных прав. Принятие государством в отношении данного права конституционно допустимых и вынужденных временных ограничительных мер ставит целью самоорганизацию общества перед возникновением общей угрозы.

КС также отметил, что защита прав человека и осуществление мер по борьбе с катастрофами, стихийными бедствиями, эпидемиями, ликвидацию их последствий Конституция РФ относит к совместному ведению РФ и составляющих ее субъектов (ст. 72, п. «б», «з» ч. 1). Во исполнении данного положения Указом Президента от 02.04.2020 главам субъектов Российской Федерации предписано обеспечить разработку и реализацию комплекса ограничительных и иных мероприятий по борьбе с распространением инфекции.

КС резюмировал, что в сложившейся экстраординарной ситуации Губернатором Московской области как высшим должностным лицом государственной власти субъекта Рос-

сийской Федерации, было осуществлено оперативное (опережающее) правовое регулирование, что было вызвано объективной необходимостью такого реагирования на беспрецедентную опасность распространения COVID-19, не носило характера абсолютного запрета, предусматривало перемещение граждан в определённых условиях, и возможность их установления была своевременно подтверждена ФЗ [1,6].

Резюмирую, следует отметить, что все вводимые органами государственной власти ограничения в период пандемии не должны покушаться на само существо данного права, должны быть адекватными, необходимыми и соразмерными, отвечать требованиям пропорциональности и справедливости для защиты конституционно значимых ценностей [4].

Источники и литература

- 1) Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
- 2) Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 N 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) "О чрезвычайном положении"
- 3) Федеральный закон "О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера" от 21.12.1994 N 68-ФЗ (последняя редакция)
- 4) Постановление Конституционного Суда РФ от 30.10.2003 N 15-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова"
- 5) Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2004 N 7-П "По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 87 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации и Постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2001 года N 538 "О деятельности негосударственных организаций по лоцманской проводке судов" в связи с жалобой международной общественной организации "Ассоциация морских лоцманов России" и автономной некоммерческой организации "Общество морских лоцманов Санкт-Петербурга"
- 6) Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2020 N 49-П "По делу о проверке конституционности подпункта 3 пункта 5 постановления Губернатора Московской области "О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области" в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области"
- 7) Колюшин Е.И. Влияние пандемии COVID-19 на конституционные права граждан России. Защита основных прав и свобод человека и гражданина: тенденции и перспективы: Сборник статей. М.: РГУП, 2021. – 272 с.
- 8) Умнова-Конюхова И.А., Костылева Е.Д. Конституционные ограничения прав и свобод: сравнительно-правовое исследование решений Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации и ЕСПЧ: Монография. – М.: РГУП, 2021. – 295 с